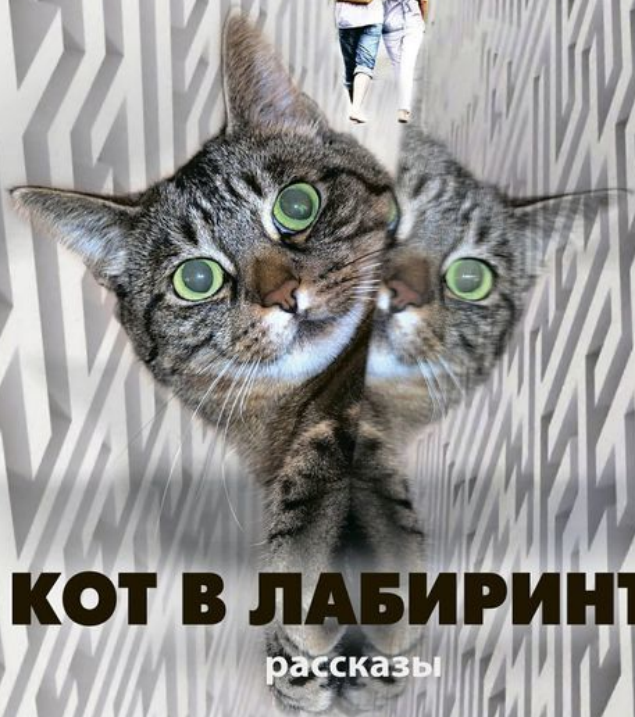

ДИПЛОМ конкурса МГО
Союза писателей России
«ЛУЧШАЯ КНИГА 2014-2016гг.»

ХЕЛЬЮ РЕБАНЕ

КОТ В ЛАБИРИНТЕ

рассказы

Хелью Ребане

Кот в лабиринте. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22101297

ISBN 9785447460617

Аннотация

Сборник рассказов известной эстонской писательницы Хелью Ребане содержит тридцать коротких захватывающих рассказов с совершенно непредсказуемым концом. Это не просто увлекательные рассказы. Автор непременно доносит до читателя некую идею, которую ему и предстоит осмыслить.

Содержание

Об авторе	5
Предисловие	6
Часть I	12
Кот в лабиринте	12
Аристарх и ручная бабочка	20
Не все деревья одинаковые	29
Пустые ценники	38
Моя голова	45
Бабочка	56
Выигрывают все	59
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Кот в лабиринте

Рассказы

Хелью Ребане

Дизайнер обложки Ольга Третьякова

© Хелью Ребане, 2017

© Ольга Третьякова, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4474-6061-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе

Хелью Ребانه – автор сборников рассказов «Väike kohvik» (эст., 1985), «Выигрывают все» (1988), «Аристарх и ручная бабочка» (2007), «Город на Альтрусе» (2011) и сборника стихов «Сон у моря» (2001).

В 2014—2015гг. журнал «Юность» опубликовал новую повесть Х. Ребانه «Публичное сокровище», повесть внесена библиотечными обозревателями в список 50 лучших произведений, вышедших в свет в литературных журналах в 2014 году. В 2015 и 2016 Х. Ребانه номинирована на соискание литературной премии «Поэт года».

До 1985 года Х. Ребانه, по образованию математик-теоретик, работала сначала преподавателем университета, затем старшим инженером НИИ.

С 1985 г. её рассказы публиковались в эстонских («Looming», «Noogus»), и во всесоюзных журналах («Вокруг Света», «Искатель», «Юность», «Смена»); в различных сборниках фантастики. Рассказы Х. Ребانه включены в антологию лучших рассказов года «Проба личности» (1991).

Наибольшей известностью пользуется повесть «Город на Альтрусе», изданная в журнале «Искатель» тиражом триста тысяч, ныне включенная в разные Интернет-библиотеки фантастики.

Предисловие

Хелью Ребане: «Кот в лабиринте» и кое-что ещё

Новая книга Хелью Ребане, сборник рассказов «Кот в лабиринте» содержит как новые работы известной эстонской писательницы, так и публиковавшиеся ранее, ещё в советских, популярнейших периодических изданиях 1980—1990 годов: «Вокруг света», «Искатель», «Юность», «Смена».

Примечательно, что они и сегодня читаются с интересом. Их нельзя отнести к произведениям лишь «своего времени», а это показатель не только мастерства автора, но и поразительного чувства предвидения, умения распознавать тенденции развития общества. По сути дела, эта книга – своеобразная ретроспектива творчества Ребане.

Книга состоит из двух частей – фантастики и реалистических рассказов, но я бы не стал проводить чёткое разграничение между ними. У Хелью Ребане очень тонкое ощущение грани между реальностью и вымыслом при работе над материалом, и она умело передаёт это читателю. В жизни часто происходят вещи, которые сразу не поддаются логическому объяснению. Этот баланс между реальным и мистическим (фантастическим) придаёт творчеству Ребане особое

звучание. Миры её созданы не на пустом месте, а на основе явлений, окружающих нас в повседневной жизни. Меняется «угол зрения», и мы уже в другой, «параллельной» реальности. Может показаться, что автор не высказывает своего «личного» отношения к описываемым событиям. Но когда читатель начинает осмысливать прочитанное, он понимает, что автор, используя приём «взгляда со стороны», сопереживает героям и отстаивает своё видение тех или иных ситуаций.

Ребане умеет в небольшом по объёму рассказе представить и осмыслить глобальную проблему. Две, максимум три фразы, и читатель уже «в теме». Несколько страниц, и повествование окончено. Быстро и ярко. Следующий рассказ совершенно не похож на предыдущий. На первом плане – необычная, захватывающая *идея*. Многие рассказы имеют подтекст. В фантастике это – параллели с реальностью. Яркий пример – рассказ «Бабочка», порождающий множество ассоциативных образов и представлений о соотношении добра и зла, об ответственности человека за свои поступки.

Умение говорить просто о вещах сложных – вторая отличительная черта творчества Хелью Ребане. Благодаря этому читатель не просто воспринимает сюжет и собственно, идею того или иного произведения, но и становится сам (иногда того не замечая) на точку зрения автора, а элементы мистики воспринимаются как нечто, само собой разумеющееся.

Некоторые рассказы, написанные в притчевой манере подводят читателя к размышлениям о разных сложных жизненных явлениях.

В рассказе «Стена» муж и жена перестали замечать друг друга. Их отчуждение трансформируется в невидимую, но прочную, глухую стену. Как тут не вспомнить слова Станислава Ежи Леца: *«Люди одиноки, потому что вместо мостов они строят стены»*.

Стена в рассказе Хелью Ребане отделяет самых близких людей. Конец печален... Эта «простая» мистическая история затрагивает проблемы, которые в наше время становятся всё более трудноразрешимыми. Люди «уходят» в Интернет. Недавно по ТВ прошел сюжет о том, как тренер одной футбольной команды английской Премьер-лиги заметил, что игроки не общаются между собой ни на поле, ни на тренировках, ни в повседневной жизни, что отрицательно влияет на результаты команды. Пришлось пригласить психолога... Читается рассказ «Стена» на одном дыхании.

В рассказе «Выигрывают все» автор исследует мотивы человека, желающего при минимальных затратах получить всё и сразу. Рассказ, написанный в конце прошлого века, звучит современно, поскольку актуальна сама идея: «за всё нужно платить». Или расплачиваться...

Философский взгляд автора на феномен *равновесия* в природе и социуме прослеживается в рассказе «Исцеление художника». Художник почти гениален, но болен. Когда он

выздоровливает... Впрочем, не буду забегать вперёд.

Сюрреализм, нередко присутствующий даже в реалистических работах Ребана, выглядит и естественно, и оригинально. В «полотно» рассказа органично вплетены элементы мистики («Скелет»). Такое сочетание – «фирменный» знак рассказов Хелью Ребана, и речь не только об уникальном стиле, но и о неповторимости ощущений читателя, часто на уровне подсознания.

Отправная точка рассказа «Моя голова» – роман Александра Беляева «Голова профессора Доуэля». У Хелью Ребана развитие сюжета перенесено в наше время. Изменились и далеко ушли вперёд не только наука и техника, претерпела существенные изменения и сама шкала общечеловеческих ценностей, мировосприятие человеческого общества. Этот рассказ, можно сказать, пронизан простым вопросом: «А что необходимо современному человеку для того, чтобы быть счастливым?» Оказывается, ничего, кроме его собственной головы. И главному герою, вернее, голове главного героя удастся убедить в этом некоторых своих подчиненных.

Когда я читал рассказ «Не все деревья одинаковые», на память пришёл «текст за кадром» в начале фильма «Ирония судьбы, или с лёгким паром»: *«... одинаковые лестничные клетки, окрашенные в типовой приятный цвет, типовые квартиры, обставленные стандартной мебелью, а в безликие двери врезаны типовые замки...».*

Ребана рисует картинку общественного устройства, где

всё одинаковое: квартиры, выполнение служебных обязанностей, подарки жёнам... Правда, «красавицы-жёны» каждый день разные, но в своей постоянной сменяемости и практическом отсутствии каких-либо существенных отличительных признаков, так же одинаковы. Но человек не может постоянно находиться в установленных рамках, Личность нуждается в Свободе. В один из типовых «семейных вечеров», герой встречает родственную душу...

Ещё одна интересная сторона книги. Я не нашёл откровенно отрицательных героев. Преступник в рассказе «Чёрный силуэт», убивший своего соседа-писателя, автора детективов – какой-то жалкий, анекдотичный тип. Да, в рассказе «Аналитик» показана банда грабителей, но гротескно, с юмором.

Рассказы Ребана проникнуты тонким, я бы сказал, изящным юмором. В рассказе «Сила комплимента» друзья собрались, чтобы для «релаксации» говорить друг другу приятное. Одному из участников сделали «комплимент», что из него получился бы хороший... наёмный убийца. «Комплимент» оказался пророческим...

Даже в «серьёзных», окутанных «дымкой печали» вещах можно уловить нотки тонкой иронии, незлобивого подтрунивания автора над своими персонажами, что добавляет яркости в краски повествования.

Почти все рассказы имеют «вневременной характер», ибо психологическая составляющая в творчестве Ребана доминирует.

нирует. Детали отходят на второй план, превалирует суть, передача скрытых, внутренних, конфликтов и мотивов.

Творчество Хелью Ребане оригинально по многим основаниям. Ей удалось в наши дни развить и усовершенствовать свой уникальный стиль, а следовательно, определить своё место в современной литературе.

Почему название сборника «Кот в лабиринте»? Рискну предположить. Этот рассказ – модель жизни, притча о борьбе, о том, что и в безвыходной ситуации необходимо верить в удачный исход. Это жизненная позиция автора, а может быть, один из основных принципов творчества Хелью Ребане: когда выхода, казалось бы, нет, в действительности, он есть.

Евгений Скоблов

член МГО Союза писателей России,

член Академии российской литературы

Часть I

Кот в лабиринте

На третьи сутки я понял, что окончательно заблудился, и сел на стул в одной из этих бесчисленных, совершенно одинаковых маленьких комнат.

Трудно признаться себе в собственной глупости, но я уже сожалел, что столь легкомысленно подписал договор, содержащий условие «клиент согласен провести в лабиринте сколько угодно времени». И, мало того – организаторы аттракциона «Лабиринт» ответственности за мою жизнь не несут.

Впрочем, такая расписка берется в опасных случаях всегда. Например, когда прыгаешь в пропасть на эластичном шнуре. Знаю, прыгал не раз.

Лабиринт был монотонно однообразен. Из каждой комнатки выходили в разные стороны раздвижные двери, в углу стоял деревянный стул, в нише в стене – бутылка с водой и пакет с сухим пайком. Комнаты были стерильно чисты и без потолка. Высокие гладкие стены. Днем в ясную погоду сияло солнце, ночью мерцали звезды. Почти дом, но без крыши.

Конечно, мое положение было далеко не таким ужасным, как у тех, кто заблудился в подземных пещерах, но я обна-

ружил, что в некоторых комнатах паек съеден. Только скомканная обертка валялась в нише. Значит, там я уже был. Запасы *не* пополнялись.

То, что при входе в лабиринт у меня забрали часы и мобильный телефон и теперь я вел счет времени по солнцу, по наступившей вдруг ночи, вначале приятно щекотало нервы.

Комнаты с крышей, спальни, здесь все же встречались. Там можно было переночевать на узкой кровати, где ждали стопка чистого постельного белья, одеяло и подушка. Железные угловатые ножки кроватей были почему-то накрепко привинчены к полу. Почему, я понял позже. То тут, то там встречались идеально чистые туалетные комнаты. Без окон, с большими зеркалами и стерильно чистыми унитазами. Какой сервис! И сколько средств ухлопали владельцы на «аттракцион»!

Будь у меня с собой ручка и бумага, я бы начал составлять карту лабиринта. Или хотя бы клубок ниток или веревка. Я бы отметил свой путь...

При входе в лабиринт меня попросили переодеться. Мою одежду повесили в шкаф и выдали синий спортивный костюм, в котором я теперь в лабиринте и блуждал. От отчаяния в какой-то момент я этот костюм воспринял даже как некую подсказку: из лабиринта можно выбраться проще – вскарабкаться вверх по стенам. Но стены были гладкие, ровно такой высоты, что я даже со стула не мог дотянуться

до верхнего края. Пробовал ставить стул на стул – конструкция опрокидывалась.

Находился «аттракцион» за городом. По пути сюда я проехал самую окраину города, видел поблизости пустующие прилавки рынка, а рядом со входом в лабиринт уже шумел мрачный лес. «Ну да, на отшибе земля дешевле. Поэтому они построили свой лабиринт здесь» – подумал я тогда одобрительно.

...Сначала всё казалось безобидной шуткой. Заплати и можешь проверить свою изобретательность, выживаемость. Не надо ехать на полюс, в пустыню, пересекать в одиночку океан на утлом суденышке. Надо всего лишь найти выход из лабиринта.

Но вскоре с лабиринтом стало происходить нечто странное. Я вдруг попал в комнату, из которой было не три, а только два выхода. Я удивленно уставился на стену. Оказывается, раздвижная дверь плотно въехала в нее, образовав вместе со стеной единую сплошную поверхность. Я уже там был – в нише лежала только обертка от пайка.

То, что они по ходу дела меняют правила игры (а как это еще можно назвать?), мне очень не понравилось.

Прошло еще два или три дня. Я наткнулся на комнату, в которой была всего одна дверь. Входная. Тупик. Меня лишили выбора – я мог только повернуть назад. Сюда я пришел уже в третий раз – с некоторых пор я стал отмечать те комнаты, где был дважды, двумя кусочками обертки от пай-

ка. Два обрывка обёртки и лежали в нише.

Вот теперь мне стало по-настоящему не по себе. Мне вспомнилось, как меня спросили: «Вам нужны острые ощущения? Это мы вам обещаем. Но больше не гарантируем ничего».

А что, если вокруг меня вдруг закроются все двери? Кроме того, меня стала преследовать навязчивая мысль, что в договоре был пункт, по которому «в случае гибели клиента все его имущество отходит владельцам „аттракциона“». Полный бред. Я – деловой человек, хотя и одинокий, я никогда бы на такое не подписался! Но почему-то время от времени у меня внутри холодело: был, был там такой пункт.

Где-то на десятый день моих блужданий я увидел его. И, вздрогнув от неожиданности, отпрянул.

Серый, вполне благополучный кот появился в дверях, когда я вошел в очередную безликую комнатку, и, как ни в чем не бывало, попытался потереться о мои ноги. На галлюцинацию он определенно не был похож.

– Котяра, – сказал я, и мой голос показался мне после долгого молчания чужим. – Ты-то как здесь оказался?

Кот задрал голову, посмотрел мне доверчиво в глаза и мяукнул.

Я бросил взгляд вверх – туда, где виднелся квадрат дневного, пасмурного неба, и понял – он бродил по широкому верхнему краю стены, в какой-то момент не удержался и свалился вниз.

Но он хотя-бы упал. А я пришел сюда добровольно. От скуки. Бизнес мой шел хорошо, на досуге я объездил весь мир, и мне все уже порядком надоело. И вдруг эта реклама в газете: «ЛАБИРИНТ ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ ОСТРЫХ ОЩУЩЕНИЙ».

Для любителей острой безысходности, уточнил бы я теперь.

– Эх, котяра, – сказал я, протягивая коту смоченный в воде сухарь, – как же я тебе рад! Не покидай меня.

От сухаря кот поначалу отказался, но следовал неотступно за мной по пятам, а на ночлег сворачивался калачиком у меня в ногах или ложился мне на грудь и тихонько мурлыкал.

Время шло, и мое положение становилось все более плачевным. Все более длинный путь надо было пройти, чтобы найти, наконец, нераспечатанный пакет с едой и бутылку с водой – во всех нишах валялись лишь разорванные скомканные обертки, а вода была мною выпита. Я перестал искать выход, я искал еду.

Кот следовал за мной в неизменно благодушном настроении. И, наконец, тоже привык есть сухари.

«Ты этого хотел? – спрашивал я себя перед сном: – Хотел экстрима? Ну так получай!». Я напрягал память, чтобы дословно вспомнить текст договора.

И как-то раз, утром, проснувшись в одной из «спален», я вспомнил сон, приснившийся ночью: очаровательная блон-

динка выхватывает у меня из рук бумаги, которые я читаю, и растворяется в темноте. Вот оно! Теперь я отчетливо вспомнил, как происходило подписание договора. Последнюю страницу я вообще не дочитал. Сейчас перед моим мысленным взором возникли только стройные ноги секретарши. Девушка в миниюбке вошла в кабинет менеджера как раз тогда, когда я приступил к последней странице. Страница начиналась со слов: «В случае смерти клиента все его имущество отходит фирме». Нет, мне это *не* казалось. Я подписал, не дочитав. Чтобы не выглядеть буквоедом в глазах красивой женщины. *Cherchez la femme...* Теперь понятно. Я просто-напросто умру здесь от голода и жажды, и сам буду в этом виноват.

Я встал на стул в ближайшей комнатке под открытым небом и начал громко кричать: «Достаточно! Выпустите меня отсюда! Помогите!».

Мои вопли не возымели ни малейшего действия. Да и кто мог меня услышать?

...Это случилось, когда я задремал, сидя на стуле. В этой комнатке я был уже трижды – в нише лежали три клочка бумаги. Кот свернулся калачиком у меня на коленях. Когда я очнулся, то сразу почувствовал, что что-то изменилось. О, ужас! – все двери плотно въехали в стены. Я оказался в ловушке. Без еды и воды.

– Прекратите игру! – крикнул я в отчаянии в пространство над головой. У меня еще теплилась наивная надежда,

что теперь, признав мое поражение, меня выпустят.

...Смеркалось. Накрапывал дождь. Я, как прикованный, сидел на стуле. Кот вскарабкался мне на колени.

Так прошло двое или трое мучительных суток – у меня от жажды стало путаться сознание. Я промок и простыл. В каком-то бреде то приходил в себя, то засыпал. Будил меня каждый раз кот. Он метался по комнатке и мяукал. Если бы мне хотели оказать помощь, то давно уже оказали бы. «Теперь ясно, почему лабиринт на отшибе» – крутилось у меня в голове. Кот мяукал все громче и жалобнее.

– Нам конец, котяра, – хрипло произнес я. – Ничем не могу тебе помочь.

Но всё же заставил себя встать, стащил с себя куртку и тренировочные штаны, связал их вместе за рукав и штанину и попытался забросить другой конец самодельного каната вверх, за край стены. Но «канат» не доставал. Но даже если бы достал, и изрядно похудевший кот полез бы по нему, то тут же свалился бы обратно под собственной тяжестью.

«Нужен груз. И нужно удлинить канат». Ничего, кроме стула в моей западне не было. Но у меня не хватило бы сил забросить стул так высоко.

После нескольких ударов о стену стул, наконец, треснул и мне удалось выломать спинку стула вместе с одной ножкой. Я разодрал штаны и куртку, и у меня получился намного более длинный канат. Осталось привязать его к спинке стула. Много раз бросал я эту спинку одной правой рукой вверх,

придерживая конец каната левой, пока, наконец, не сообразил привязать его к левой руке. Двумя руками я справился сразу. Спинка стула перелетела через верхний край стены и повисла с обратной стороны. Она туго натянула «канат».

– Прощай, котяра, – прошептал я коту, подсаживая его высоко на «канат», плотно прижатый к стене.

Он ловко вскарабкался по нему вверх и мигом оказался на краю стены. Я упал на бетонный пол и потерял сознание.

...Наверху, на краю стены сидел мой кот. Рядом с ним виднелась чья-то голова и кто-то произнес:

– А мы – то думали, что это кот так мяукает? Полезли его снимать, а тут вон что... Человек.

Аристарх и ручная бабочка

Он заметил ее уже издалека.

Бабочка сидела на тропинке, по которой Аристарх шёл домой. Огромная, размером с его портфель, яркая, как хвост павлина, она сидела на его пути, полураскрыв крылья. Сначала он замер от неожиданности, а потом начал на цыпочках подкрадываться к ней.

Но она и не думала улетать. Даже когда на нее упала тень крадущегося Аристарха, преспокойно продолжала сидеть, преграждая ему дорогу.

Позже, возвращаясь мыслями к этому моменту, он вспомнил, что именно тогда у него на мгновение промелькнуло странное чувство, что она заигрывает с ним.

Но она вдруг сложила крылья, отчего у неё стал покорный и беззащитный вид. Казалось, она говорила: «Бери меня, я вся в твоей власти».

Аристарх очень осторожно взялся за сложенные крылья обеими руками. Она не шелохнулась. Спокойно повисла в его руках, словно у нее отсутствовал инстинкт самосохранения. «Ручная», – подумалось Аристарху.

На следующий день на работе, в конструкторском бюро, все просто обомлели, когда посреди общего тихого разговора неожиданно раздался громкий голос Аристарха:

– Ребята, кто знает, что едят бабочки?

Особенно потрясло коллег обращение «ребята», столь не свойственное Аристарху. Он всегда сторонился сотрудников. Первым в разговор вступать стеснялся. Когда кто-то обращался к нему, у него начинали краснеть краешки ушей, а при более длительном разговоре уши становились пунцовыми. Даже походка у него была странная – он прижимал вытянутые руки к бокам, словно боясь ими кого-нибудь зацепить.

– Капусту, наверное, – предположил наконец кто-то из коллег, не подозревая о том, какую непростительную ошибку совершает.

Представив свою красавицу сидящей на кочане капусты, Аристарх надолго умолк, помрачнел, а с этим хамом перестал здороваться. В тот же день после работы он зашел в библиотеку и, порывшись в справочниках, выяснил, что бабочки питаются цветочным нектаром, которого в продаже, конечно же, не бывает.

Цветы для нее он покупал регулярно, причем в больших количествах. Выяснив, что она предпочитает, а бабочка, увы, предпочитала очень дорогие розы, Аристарх таскал их домой охапками.

Вечерами он, сидя на диване, с умилением наблюдал, как она подлетает к букету роз, стоящему неизменно в огромной напольной вазе, опускается на него и, вцепившись в лепестки своими лапками, запускает в сердцевину цветка свой очаровательный хоботок. Вернее — *носик*, так называл его

Аристарх.

Розы зимой – дорогое удовольствие, и Аристарху пришлось договориться с начальником соседнего отдела о дополнительной работе.

В ноябре выпал снег, за ним пришли холода. Аристарх с тревогой наблюдал за бабочкой. С работы он мчался домой сломя голову; каждый раз, затаив дыхание, с замиранием сердца открывал дверь, боясь увидеть свою красавицу уснувшей, как это бывает зимой с другими бабочками. И облегченно вздыхал, видя ее на тюле под самым карнизом для штор, слегка покачивающей крылышками, будто приветствуя его. Ей, правда, и в голову не приходило подлететь к нему. Продолжала себе преспокойно висеть на своем любимом месте, вцепившись лапками в тюль, напоминая огромный яркий китайский веер. Но он верил, что когда-нибудь это непременно произойдет.

В угоду бабочке Аристарх поменял старый тюль на новый, дорогой и современный, и вымыл окна до зеркального блеска.

Она на удивление покорно позволяла брать себя за сложенные крылья и переносить с места на место.

Вскоре сослуживцам стало бросаться в глаза, какая разительная перемена произошла с Аристархом. Он стал хорошо, даже элегантно одеваться, вмешиваться (правда, как правило, невпопад) в общую беседу, и производил теперь впечатление человека, пребывающего постоянно в припод-

нятом настроении, почти в экзальтации. О чем бы ни зашел разговор, Аристарх умудрялся перевести его на цветочную тему, сетуя то на рост цен в цветочных магазинах, то на отсутствие у импортных цветов аромата, либо рассуждая, «надо ли привозить цветы из Голландии, если можно вырастить более питательные цветы в местных теплицах». Эти «питательные» цветы стали среди сотрудников притчей во языцех. За его спиной шушукались, хихикали, повторяя: «Питательные цветы».

Ближе к новому году коллеги узнали, что Аристарх приобрел в кредит квартиру в старом городе и занимается ее ремонтом. В отделе начались разговоры про ремонт, вопросы-намеки, что неплохо бы пригласить сослуживцев в гости, на новоселье. Аристарх при этом оживлялся, расцветал, обещал, что непременно пригласит, и даже обмолвился, что у него есть для них сюрприз.

«Он угостит нас питательными цветами», – ехидничали сотрудницы.

Ремонт длился всю зиму. Аристарх нервничал, хорошо ли живется бабочке в снятой на это время дешевой квартире на окраине. Но она и там первым делом вцепилась в кружевной тюль на окне, охотно питалась нектаром из лепестков роз и спокойно переждала переезд в новую квартиру.

Правда, в новых апартаментах возникла проблема. Высота потолков здесь была три с половиной метра, и, когда бабочка воцарилась на тюле под карнизом, Аристарх не смог

дотянуться до нее с табуретки. Он долго стоял у окна, задрал голову и уговаривая ее слететь пониже, но она и не подумала внять его мольбам.

Пришлось купить стремянку, которую бабочка расценила, по-видимому, как забавную игрушку. Терпеливо выждав, пока Аристарх, громохая, установит и взберется по ней, красавица упорхнула в тот самый момент, когда он, стоя на последней ступеньке, протянул к ней руку, приговаривая: «Иди сюда, моя хорошая».

А на улицах уже журчали ручьи, разливались лужи и мартовское солнце грело так обнадеживающе. К празднику Аристарх раздобыл изумительно красивые и ароматные розы, выращенные каким-то местным садоводом. Бабочка охотно подлетела к букету и с явным удовольствием стала пить нектар.

Счастливый Аристарх с умилением наблюдал за этой действительно высокоэстетичной картиной. Пора было звать коллег на новоселье, потрясти и их эстетические чувства.

Сначала гости в полном восторге осмотрели все комнаты квартиры, кроме той, где, как пообещал хозяин, их ожидает сюрприз. Накрытый и сервированный по случаю торжества стол вызвал восхищенные отзывы коллег. Аристарх сиял и вел себя на удивление раскованно.

– Сюрприз, хотим сюрприз! – начали требовать захмелевшие к концу вечера сотрудницы.

Хозяину пришлось в очередной раз залезть на стремян-

ку, чтобы достать бабочку, но когда он вернулся в гостиную, держа ее за сложенные крылья, все ахнули и умолкли.

Он торжественно выпустил ее, и она, верная своим вредным замашкам, покружив по комнате, подлетела к карнизу и вцепилась в тюль. Но, словно кокетничая, не стала складывать крылья, а широко распахнула их, выставляя свою красоту на всеобщее обозрение.

«Ты, моя умница», – мысленно похвалил ее Аристарх.

– Какая красота! – зашумели коллеги, перебивая друг друга. – Где ты раздобыл это чудо?

– Она сама прилетела ко мне, – гордо сказал Аристарх.

Ему не очень поверили, но, безусловно, все были просто в восторге.

Подвыпившие гости, в отличие от Аристарха, все были курильщиками. Гостеприимному хозяину пришлось разрешить им курить в кухне. Кто-то из них решил проветрить квартиру. И тут случилось непоправимое. Бабочка отцепилась от тюля, взмыла сначала под потолок, а потом вдруг повернула в сторону распахнутого окна и – никто глазом не успел моргнуть – улетела...

Напрасно сотрудницы уговаривали Аристарха не переживать: «Не бери в голову! Ей же надо было где-то перезимовать!». Он был совершенно убит.

На следующий день мрачный и молчаливый Аристарх подал заявление об увольнении по собственному желанию.

Много лет спустя один из его бывших сослуживцев случайно наткнулся в газете на заметку об открывшейся в Цветочном павильоне в Пирита выставке «Бабочки в современном мире», где «экспонируется коллекция бабочек, собранная парижанином эстонского происхождения, Аристархом К.». Новость незамедлительно облетела весь коллектив, в котором раньше работал коллекционер. Коллектив этот за десять лет практически не изменился. Разве что проводили на пенсию одну вечно брюзжащую пожилую даму и приняли на ее место юную восторженную девушку.

В выходные коллектив в полном составе отправился на выставку.

Уже у входа в выставочный зал они увидели Аристарха, который за прошедшие годы скорее помолодел, чем постарел. Он стоял в смокинге с черным галстуком – бабочкой в центре зала. Слева и справа, держа его под руки, на нем повисли две длиннющие, худющие блондинки. Аристарх что-то деловито объяснял им и подходящим к нему знакомым и незнакомым посетителям выставки.

Везде, на стенах и стендах, на стеллажах и витринах, красовались засушенные бабочки, с аккуратно расправленными крыльями и приколотые к подложкам в застеклённых коробках. Умопомрачительная красота и разнообразие коллекции потрясла всех.

В кулуарах выставки поговаривали, что Аристарх уже давным-давно сколотил свой первый миллион, а сейчас его состояние не поддается точным оценкам, но известно, что живет он в шестнадцатом округе Парижа, что, конечно, ничего не говорило непарижанам, зато интонация, с которой произносились эти слова, сказала всё.

Увидев бывших коллег, Аристарх вальяжно подошел, потряс каждому руку и, весело подмигнув новенькой сотруднице, спросил:

– Ну, как вам выставка?

Как ни странно, в этой обстановке его фамильярное поведение, явно выходящее за рамки приличий в общепринятом в местном бомонде понимании, сошло с рук и даже придало ему дополнительный шарм.

– Ну, Аристарх, ты могуч, – сказал его бывший начальник. – Может быть, завтра вечером устроим в твою честь сау-ну?

– Увы, завтра в это же время я уже буду лететь в самолете в Хельсинки, а оттуда в Токио, – улыбнулся Аристарх. – Открываю там небольшой музей бабочек.

– У вас потрясающая коллекция! – затараторила юная сотрудница его бывшего коллектива, ошарашенная знакомством с *very important person*. – Вы так любите бабочек!

– Вы даже представить себе не можете, *как* я их люблю, – ответил Аристарх, в упор глядя на нее.

А с чего вы начинали свою коллекцию? Где поймали са-

мую-самую первую?

Видите – ли... кто кого в этой жизни поймал, это всегда большой вопрос. Правда, ребята? – Аристарх подмигнул бывшим сослуживцам и удалился, помахав им на прощание рукой.

Странно, но в его голосе всем померещилась грусть.

Не все деревья одинаковые

Оглядываясь назад, постоянно вспоминаю тот вечер.

...Это была любовь с первого слова. Влюбиться с первого взгляда у нас невозможно.

В тот знаменательный вечер, получив, как и все мужчины, на работе флакон духов для жены, как всегда, «Шанель», теперь уже номер пятьсот (каждый год эта древняя фирма разрабатывает одну-две новые вариации), я скользил по туннелю домой, решительно ничего нового не ожидая. Я прекрасно знал, как пройдет вечер.

В уютном домике (анахронизм, конечно, но это прихоть финансиста, пожертвовавшего когда-то на строительство нашего города), на сияющей чистотой кухне меня ждет ослепительно красивая женщина. Стол накрыт. И дом, и эта женщина не те, что вчера. Но иногда я начинаю в этом сомневаться. Ведь стоит лишь открыть дверь, как она произносит всегда одни и те же слова: «Добрый вечер, дорогой! Ты устал? Сейчас будем ужинать».

Правда, одного взгляда в окно достаточно, чтобы сомнений не было – тёмные силуэты деревьев медленно проплывают мимо. Подчиняясь генератору случайных чисел, гигантский круг, на котором расположены дома, непрерывно крутится. То быстрее, то медленнее... То, остановившись на мгновение, начинает крутиться в обратную сторону.

А гигантский центр, где мы, мужчины, работаем, и цилиндрические туннели, ведущие к домикам, напоминающие мне рукав старинного аэропорта, неподвижны. Поэтому тот дом, что был вчера, и та женщина сегодня уже уплыли.

Иногда во мне пробуждалось почти непреодолимое желание ответить на ежевечернее сияющее приветствие грубостью. Но я позволял себе только вопрос:

– Как тебя зовут?

Реакция всегда одинаковая. Испуганное недоумение. Ещё бы. Имена отменили двести лет назад.

Я прекрасно понимал, чем рискую, задавая этот вопрос. Когда-нибудь какой-нибудь из этих лучезарно улыбающихся, штампованных женщин взбредет в голову донести на меня. Но, кто знает – может, именно этого я и хотел...

В последнее время всё мне стало безразлично. Всё, что могло случиться, лучше, чем это. Двести лет подряд тебя встречают одними и теми же словами. Не знаю, можете ли вы себе это представить.

В тот вечер, войдя в дом, я удивился – свет на кухне не горел.

Я не сразу заметил ее в темноте. Она стояла у окна.

– Добрый вечер, – сказал я, включив свет.

Она стояла вполоборота ко мне, скрестив руки на груди, отрешенно глядя на плывущие за окном тёмные силуэты деревьев, и даже не шелохнулась. Ослепительно красивая. Точно такая же, как все. Стол *не был* накрыт.

– А ужин? – глупо спросил я.

– Ужина не будет, – вызывающе ответила она, прошла мимо меня и удалилась в спальню, всем своим видом давая понять, что я ее раздражаю.

Меня потрясли и ее слова, и презрительный взгляд, брошенный в мою сторону.

Приготовить еду в нашей кухне, оснащённой техникой и поступающими из люка в стене продуктами, просто. Чем я и занялся, обиженный. Но... какую ностальгию навеяло её странное поведение! Напомнило мне старые добрые времена, лет двести с небольшим назад. Словно провинившийся муж слишком поздно вернулся домой. Я ещё помню те времена, молодёжь, конечно, уже нет.

Впрочем, у нас понятие «молодёжь» относительно. Все мужчины имеют одинаковую идеальную юношескую внешность. Все женщины – это штампованное издание допотопной «мисс Вселенной» две тысячи двухсотого года.

Какие дебаты тогда велись, какую выбрать внешность для женщин, какую для мужчин! Мужчины у нас тоже все одинаковые красавцы. По образу и подобию «мистера Вселенной» того же года. Единственная причина, почему внешность женщин отличается от внешности мужчин и почему вообще остались те и другие, по-видимому, кроется в том (я точно не знаю, но подозреваю), что финансист, чьи идеалы равенства у нас воплощены, был неисправимым бабником.

День рождения у всех нас тоже отмечается в один день.

Чтобы никому не было обидно. И подарки все дарят друг другу одинаковые. Жены – бутылку старинного (я уже давно догадался, что это подделка) коньяка «Hennessy плюс Равенство». Мужья дарят женам духи, неукоснительно «Шанель». Вы, конечно, понимаете, что все женщины у нас благоухают *шанелью*, а от мужчин по праздникам разит... хм... равенством.

Впрочем, «жены», «мужья»... архаизм. Слово осталось, но раньше такую женщину, уплывающую на следующий день вместе с домом в другие руки, называли бы несколько иначе. Тут всё продумано. Если бы не такая *смена*, могла бы возникнуть привязанность. Какое уж тогда *равенство*.

Полужинав в одиночестве, я, прихватив подарок, вошел в спальню. Она и там стояла, глядя в окно, за которым в темноте еле угадывались медленно плывущие черные силуэты деревьев. Лишь время от времени ее лицо освещалось светом проплывающей среди деревьев ярко горячей буквы «Р».

О случаях необычного поведения положено сообщать. Такое произошло впервые за двести лет. Впрочем, мне глубоко плевать на их порядки.

Вдруг она что-то сказала. Нет, мне не послышалось. Глядя в окно, она задумчиво произнесла:

– Не все деревья одинаковые.

Какое-то время я молчал, потрясенный ее безрассудной смелостью, а еще больше тем, что она это *заметила*.

– Да, – сказал я, – не все.

Она вздрогнула, резко повернулась ко мне. Враждебно глядя на меня, спросила:

– Ты донесешь на меня?

– Нет. Хотя, похоже, ты этого очень хочешь.

– Так вот, знай, – решительно продолжала она: – Мне плевать.

Ничего более потрясающего она не могла сказать.

– Я рад, – сказал я.

– Идиот. Ты не понял – я не боюсь тебя. Мне все равно.

– А мне уже – нет. Я понимаю, как ты устала. Давай разденемся и ляжем в постель.

– «Ты устала», – раздраженно сказала она, передразнивая меня. – «Давай разденемся!», «Ляжем!»... Я буду спать в гостиной.

Гостиная. Да, в доме есть и «гостиная». Только вот гости... Нонсенс. В гости ходят, чтобы, как говорили в старину, себя показать и на других (других, не таких, как ты сам) посмотреть. Как вы понимаете, у нас достаточно подойти к зеркалу и ты «в гостях».

Ее раздражение... Мне почему-то раньше не приходило это в голову – оказывается, в моих словах тоже нет ничего такого, чего не сказал бы на моем месте любой другой «мистер Вселенной».

Я растерянно протянул ей красиво упакованную коробку с духами.

– Вот, подарок...

– Нет, – сказала она. – Это не подарок.

– Вот как? Это почему же?

– То, что дарится одинаково всем, не подарок.

Она метнула на меня презрительный взгляд и отвернулась.

Я поставил коробку рядом с ней, на подоконник. Мы помолчали, глядя на движущиеся силуэты деревьев за окном.

– Как тебя зовут? – спросил я.

Я вдруг понял, что надо спросить именно это.

Она вздрогнула. На ее лице отразилось такое изумление, словно круг вдруг сошел с рельсов (рельсы... анахронизм, сложно объяснить).

Она долго недоверчиво смотрела на меня. Наконец, тихо сказала:

– Я всегда мечтала о том, чтобы у меня было имя.

– Вот видишь. Я это и имел в виду: ты *устала ждать меня*. Что ж... У тебя нет оснований доверять мне. А у меня – тебе. Нам остается только одно. Рискнуть поверить друг другу. Или *не* рискнуть. Решать тебе. Что мы, собственно, можем потерять? Всё одинаковое. Значит, жизнь и смерть тоже. Решай. У нас мало времени. Только до рассвета.

Я разделся и лег в постель. Через некоторое время она, не произнеся ни слова, тоже разделась и послушно легла рядом со мной.

Некоторое время мы лежали молча. За окном тихо накрапывал дождь. Происходило нечто... С одной стороны (так

это выглядело, если забыть о деревьях), это была моя жена, с которой я прожил уже двести лет, и она за это время, как и я сам, ничуть не изменилась. Мы не стареем, не умираем от болезней. Болезней больше нет. Существует только казнь, как наказание.

С другой стороны, рядом со мной – *единственная*. Чем отчетливее я это понимал, тем сильнее меня охватывал страх, предчувствие близкой утраты этого мгновения. Преступное мгновение. То, которому говорят: остановись.

Наконец она нарушила молчание:

– Даже не верится.

Мы знали: завтра круг в своем медленном вращении неумолимо унесет ее от меня. Вечером, когда я приду с работы, другая женщина, похожая на нее, как две капли шанели, не скажет, и ни за что не поверит, если я ей скажу об этом, что бывает, есть хоть что-то *не одинаковое*.

– Теперь я буду благодарить судьбу, – прошептала она.

– Благодарю генератор случайных чисел, – сказал я и добавил: – Дорогая...

Впервые за прошедшие двести лет мне захотелось произнести это слово.

Наша преступная ночь длилась долго. Вы же понимаете, что время измеряется не часами и минутами, а событиями. Но и она ускользнула, как сон. Под утро мы нарекли друг друга именами. Преступление, за которое полагается расстрел.

Перед расставанием мы договорились о знаке, который подадим друг другу при новой встрече, о *пароле*.

...С тех пор кое-что изменилось.

Каждый вечер, скользя по туннелю домой, я с замиранием сердца жду, что ответит новая *мисс* на мое приветствие. Войдя в дом, я неизменно произношу одну и ту же фразу.

Я не исключаю, что они даже не слышат, что я им говорю. Они ведь знают, вызубрили наизусть в школе, что неодинаковых вещей не существует. Поэтому они и не замечают того, что так отчетливо видно за окном. На моё необычное приветствие они отвечают без запинки:

– Добрый вечер, дорогой. Ты устал? Сейчас будем ужинать.

Я вовсе не собирался и не собираюсь хранить ей какую-то глупую верность. Но я так и не отдал ее духи другой. Другие... Иногда я почти издеваюсь над ними. Внешне точно такие же, как она, они вселяют в меня трепетную надежду ровно до той минуты, когда заговорят.

Я терпеливо жду, когда гигантское колесо, совершая свой великий круг, по закону, гласящему, что редкие события повторяются дважды, вернет ее мне.

Возможно, пройдет еще двести лет. Но однажды вечером передо мной снова откроется правильная дверь. Я скажу ожидающей меня женщине:

– *Не все деревья одинаковые.*

Она улыбнется и ответит:

– Я знаю.

Я очень рассчитываю на генератор случайных чисел.
Для побега у меня всё готово.

Пустые ценники

В этом городке можно пройти две-три улочки, прежде чем кто-нибудь попадется навстречу. Встречный опускает глаза и торопливо переходит на другую сторону.

...Я поменял немало должностей и мест жительства. Платил алименты первой жене, которую оставил ради второй; вторая бросила меня. Моя трудовая книжка пестрела от записей. Я увольнялся отовсюду по собственному желанию, но на самом деле... В одном месте я не выполнил работу в срок, в другом по моей вине в отчет попали неверные данные, в третьем я отослал материалы по неправильному адресу. Я постоянно опаздывал на работу...

После очередного увольнения я долго не мог найти новое место. Я был согласен на весьма скромный оклад, лишь бы работа была не слишком ответственной, а нагрузка не очень большой.

Друзья не хотели меня больше рекомендовать. Пришлось обратиться в бюро по трудоустройству.

Бесцветный служащий выслушал меня, перелистал трудовую книжку и равнодушно произнес:

– По-моему, ваше место в...

Он назвал город, о котором я раньше никогда не слышал.

– И что за работа?

– Вам это подойдет.

Дома я тщетно искал этот город на карте. Никто из моих знакомых тоже не слышал о нем.

– Наверное, какой-нибудь маленький городишко, – говорили все.

Не оказалось его и в расписаниях движений поездов и автобусов. Я снова обратился в бюро. Тот же служащий ответил всё так же бесстрастно:

– Поездом туда не доедете. Мы отвезем вас на машине.

Это был маленький городок. Серые одноэтажные домишки. Пыльные улочки, на которых редко кого-нибудь встретишь. Меня поселили в общежитии, в отдельной комнате.

Работа оказалась несложной – я должен был подчеркивать букву «ы» в печатном тексте, везде, где она встречалась. Вначале я был удивлен. Но потом понял, что чиновник подобрал именно то, что я просил. Работа не требовала особых усилий – нормы, сколько букв нужно подчеркнуть за день, не устанавливали. Большой ответственности тоже не было – если я нечаянно пропускал какую-нибудь «ы», то мой начальник, проверявший работу, подчеркивал ее сам.

Мы сидели в маленькой комнате вдвоем. Мой коллега, угрюмый худощавый старик, тоже подчеркивал что-то. Как оказалось, «о». Признаться, к концу второго рабочего дня это занятие мне изрядно надоело.

– Ну и работа, – сказал я старику.

Он продолжал молча подчеркивать буквы.

– Надолго я здесь не останусь, – продолжал я.

– Ошибаетесь, – возразил старик, не удостоив меня взглядом.

– За неимением лучшего можно и здесь посидеть, но как только найду что-нибудь приличное – уволюсь.

Старик промолчал.

Вечером я вышел на прогулку. Как я уже говорил, прохожие встречались здесь редко. Все они были погружены в какие-то не очень веселые мысли и избегали встречных, стараясь заблаговременно перейти на другую сторону улицы. Меня удивило, что в городе не было ни молодежи, ни детей. Всем, кого я встретил, было за тридцать, как и мне.

– Странный город, – завел я на следующий день разговор.

Старик продолжал молча подчеркивать свои «о».

– Создается впечатление, что все чего-то стыдятся.

С таким же успехом я мог бы разговаривать с буквой «о». «Какой мрачный тип», – подумал я и добавил с вызовом:

– При первой возможности подыщу себе новое место.

– Поздно, – сказал старик с возмутительным спокойствием. – Вам придется остаться здесь.

– Кто это может меня здесь удержать? – спросил я сердито.

– Вы сами, – буркнул старик своим бумагам.

Я забыл будильник на старой квартире и уже несколько раз опоздал на работу. С первой полочки я решил купить новый.

В день зарплаты я зашел в маленький магазинчик под вывеской «Часы».

Покупателей не было. Продавщица, пожилая женщина, облокотилась на прилавок и безучастно смотрела прямо перед собой. За ее спиной виднелись полки, заставленные часами разных форм и размеров. Мне был нужен обычный дешевой будильник. Я посмотрел на ценники. Странно – перед часами белели маленькие прямоугольные бумажки, но цен на них не было.

Я обратился к продавщице:

– Простите, я хочу купить будильник.

Она продолжала стоять, думая о чем-то своем, наконец, встрепенулась:

– Что?

– Я хочу купить будильник.

– Будильник?

– Да.

– Какой вы выбрали?

– Хотелось бы узнать цену.

– Цену вы узнаете потом.

Я уставился на нее, думая, что она шутит.

– Когда «потом»?

Она зевнула, прикрывая рот ладонью:

– Когда купите.

Я был окончательно сбит с толку.

– Странный у вас магазин!

– Почему?

– В других магазинах цена известна до покупки!

– Здесь, – сказала она безучастно, – все магазины такие.

Так ничего и не купив, я вышел из магазина и в растерянности направился к соседнему домику, на стене которого уже раньше заметил вывеску «Головные уборы». В этом городе я еще ничего не покупал. Нас кормили в столовой на работе бесплатно. Открыв дверь, я увидел за прилавком скучающую пожилую женщину. На полках лежали кепки, береты, шляпы, а перед ними... белели пустые ценники.

– Странные здесь магазины, – сказал я старику на следующий день.

Молчание.

– Продавщица говорит, что сначала следует купить часы и только потом можно узнать цену!

– Естественно, – буркнул старик.

В этом странном городе и люди со странностями, подумал я. Ничего не поделаешь. Придется пойти и купить будильник, не зная его цены.

Знакомая продавщица томилась за прилавком. Я выбрал будильник. Судя по пластмассовому корпусу, один из самых дешевых.

– Дайте мне, пожалуйста, будильник... Вот этот, желтый.

Она лениво повернулась, взяла с полки синий будильник и протянула его мне.

Я просил желтый!

Она всё так же медленно поставила синий на место, дала мне желтый, достала из-под прилавка тетрадку и карандаш

и спросила:

– Где вы работаете?

– Зачем вам это?

Необычные порядки этого города стали выводить меня из себя.

– Если будильник стоит больше, чем вы в состоянии заплатить, у вас впредь будут удерживать из зарплаты.

Я поставил будильник на прилавок.

– Вы хотите сказать, что он стоит больше моего месячного заработка?

Она пожала плечами:

– Я этого не говорила, но... кто знает.

– Так скажите же цену!

– Значит, вы его берете?

Пришлось смириться.

– Ладно. Беру.

Она записала, где я работаю, и затем назвала цену, равную моей зарплате за полгода.

– Сколько тогда стоят эти большие настенные часы? – вскричал я. – Миллион?

– Цена от величины не зависит, – заявила она.

– А от чего? От чего она зависит?

Продавщица и не думала отвечать.

– В таком случае я возвращаю покупку.

Я поставил будильник на прилавок и направился к дверям.

– Платить придется всё равно, – сказала она мне вслед.

На следующий день я рассказал всю историю старику.

Правда, трудно было определить, слушает он меня или нет. Он не прекращал своей работы.

– Мне придется более шести месяцев выплачивать долг, – закончил я.

– Здесь все платят долги, – произнес он наконец. – Я тоже.

– Но почему цену можно узнать только потом?

– По-моему, это вполне естественно, – невозмутимо ответил он. – Ведь цена никогда и ни в чём не известна заранее...

Так я и живу в этом городишке. Выплачиваю долги, днем работаю, вечерами выхожу на прогулку. Когда кто-нибудь идет мне навстречу, я опускаю глаза и перехожу на другую сторону улицы.

Моя голова

Давно, еще в детстве, я читал «Голову профессора Доуэля».

Мог ли я тогда подумать, что такая же участь постигнет меня? Что я буду спрашивать себя и окружающих – где мои ноги? Руки? Где мое тело?

Я очнулся в больничной палате – но не в постели, а на столике у окна. И далеко не сразу до меня дошло, что от меня осталась... одна голова. Последнее, что я помнил, это мгновение до лобового удара, столкновения с встречной машиной.

Первый, кого я увидел, был мой личный врач, с сочувствием смотревший на меня. «Благодаря его усилиям! – с горечью думал я, закрыв глаза. – Как он подчеркнул „услиям“... Главное – благодаря моим деньгам...».

Ещё – бы! Стимул бороться за мою жизнь у него был: такое жалованье ему раньше и не снилось.

Если бы мне хотелось жить, я похвалил бы себя за щедрость, но теперь проклинал. Вот для чего мне, наконец, пригодились мои капиталы – продлить мои мучения...

Когда весь ужас моего нового положения стал очевиден, я обрушился на врача с упрёками. Зачем он боролся за мою жизнь?

– Зачем мне теперь жить? Зачем?

Он виновато молчал.

«Да, я – мультимиллионер. Но зачем мне теперь деньги?» – размышлял я, закрыв глаза, когда косвенный виновник моих страданий удалился. Самое обидное, что я не использовал мои миллионы, когда руки-ноги были ещё целы. Но как я мог поступить иначе? У меня просто-напросто не было на это времени. Я с утра до вечера сидел за компьютером, буквально загипнотизированный той лёгкостью, с которой ко мне текли деньги. Я даже в банк не ходил: деньги поступали на мой счет по системам электронных платежей, и через эти же системы я рассчитывался за покупки.

Мир так богат и разнообразен. Я мог объездить весь мир, останавливаясь в пятизвёздочных отелях, ощутить дыхание океана, ветер на Бали и Суматре, палящее солнце Сахары... Я так и не увидел пирамид, а ведь мог оплатить даже индивидуальное их посещение, без оравы туристов... Что говорить! У меня, в мои тридцать восемь, нет даже наследника, кому оставить мои бесполезные теперь капиталы.

Упиваясь скоростью, с которой из рядового инженера превратился в богача, я лишь любовался растущим банковским счётом, неуклонно следуя принципу «Если видишь, что сумму можно удвоить – удваивай». Какие поездки, какой отдых, если неделя отсутствия привела бы к потере не менее двадцати тысяч долларов! А не одной-двух тысяч, как стоит путевка...

Мне даже некому отписать мои капиталы... Родственни-

кам, вспоминая обо мне лишь тогда, когда требовались деньги? Их бы порадовала моя смерть. И меня тоже.

После нескольких месяцев бесплодных уговоров отключить систему жизнеобеспечения моей головы, я сделал вид, что сдался. «Надо потерпеть, пока не окажусь у себя дома. Уж там-то я что-нибудь придумаю. Не могут же они меня все время держать под контролем».

В те дни я впервые задумался о том, что же такое наше «я». Мы так привычно говорим «мои руки», «мои ноги», «моя голова». Но теперь весь «я» – только голова, даже сердце мне заменил насос. Но моё самоощущение не изменилось. Если, конечно, не считать подавленного настроения из-за постигшего меня несчастья...

Наконец, меня выписали. Домой я отправился в сопровождении целого эскорта: медиков, охраны и самых близких коллег. Выглядело это так: моя голова, словно памятник самому себе, стояла на прозрачном, изготовленном на заказ кубе, внутри которого виднелись прозрачные трубочки. Как мне восторженно объяснил конструктор – чтобы процесс жизнедеятельности был на виду и малейший сбой можно было бы сразу заметить и устранить.

«Ты перестарался», – думал я, слушая отчёт конструктора о том, как хитроумно он всё придумал и как мне (голове) будет теперь хорошо и удобно. Именно о сбое я всё это время и мечтал. Но уже понял, что союзников у меня нет. «Похоже, что все – решительно все! одержимы идеей сохра-

нить мне жизнь. Попробовали бы сами, каково мне теперь, – горько размышлял я. – Особенно по ночам, когда место среза на шее начинает так ныть, что о сне и речи быть не может».

Они везли меня домой, а я строил планы. «Уж там-то сумею скатиться с этого замысловатого куба... Придётся подговорить кого-нибудь из прислуги или медиков помочь мне – их теперь вокруг меня вьётся целый рой. Всё упирается в сумму».

Во время переезда я так устал, что сразу заснул. Проснувшись, увидел доктора, дежурившего рядом с моим кубом-памятником.

– Хотите, я вам что-нибудь почитаю? – предложил он.

«Нет, ну есть же на свете идиоты... Он мне почитает. О чём, интересно? Обо всём том, что мне теперь недоступно? Впрочем, он вовсе не идиот, он – обычный человек. Это самое обычное человеческое взаимонепонимание... Никто, практически никто, не в состоянии поставить себя на место другого человека. А уж на моё место никто ни за что не захочет встать». Но я чувствовал, улавливал интуитивно, что, несмотря на незавидное положение, я со своими миллионами продолжаю гипнотизировать окружающих.

– Нет, не хочу, – сердито сказал я.

Тогда он спросил, не включить ли компьютер, не хочу ли посмотреть, как идут дела.

«Какие дела... Зачем?» – мысленно возмутился я.

Но доктор уже включил компьютер и подкатил мой «мо-

нумент» к столу. Когда я снова оказался перед монитором, со мной что-то случилось. Внезапно я напрочь забыл, что теперь я – существо без тела, почувствовал себя... снова самим собой.

Я объяснил моему помощнику (сначала они предлагали мне женщину-сиделку, не понимая, насколько это унизительно), как открыть нужные файлы, как выйти на нужные сайты в Интернете.

Всё это время, что ассистент под мою указку водил мышкой по столу, я и не вспоминал о своём несчастье. В моё отсутствие дела шли из рук вон плохо. Сплошные убытки. Из *рук*... Служащие не знали всех секретов моей коммерческой деятельности.

Я чувствовал, что ассистент чего-то ждёт от меня. «Ясно, что ему надо. И что? Открыть ему все секреты и только тогда умереть? А не все ли равно тебе теперь?» – спросил я себя.

Конечно, того, что у меня было, если бы мне хотелось влачить жалкое существование, хватило бы ещё на две жизни. Много ли нужно голове? Впрочем, расходов стало больше, чем раньше; куб и обслуживающий его персонал – самое дорогое «удовольствие», которое я когда-либо себе «позволял»... Но есть суммы, которые истратить не так – то просто. Только приобретением недвижимости, вплоть до небоскрёбов.

Перед смертью мне и хотелось, и не хотелось оставлять «путеводитель» по делам основанной мною фирмы, чтобы

счастливые наследники (дальние родственники, даже не писавшие мне писем) ничего там не напутали и в итоге не разорились. Конечно, я сам был такой умный, что, «загребая деньги лопатой», так ими и не воспользовался... Однако я всегда был принципиально против того, чтобы давать кому-то деньги просто так. Уверен, если человек не зарабатывает сам, то, сколько ни дай, всё равно он всё растратит. Это заложено в его натуре, хотя он сам этого и не осознаёт. Так я считал всегда. Было, конечно, время, когда я помогал ближним. Но тогда я был ещё не очень богат. Позже я понял, что на благодарность рассчитывать не приходится. Люди по-вально заражены странным мнением: «Раз ты богат, значит, перед нами виноват».

Но вот теперь я был готов распрощаться с богатством без сожаления.

И, тем не менее, я вдруг понял, что, несмотря на моё беспомощное положение, именно они у меня в руках (которых нет), а не я у них. Стоит же раскрыть им все карты, как в зависимом положении окажусь я.

Странное дело! Жить не хотелось, деньги стали не нужны, но подобная перспектива страшила меня больше, чем смерть.

Следовало всё хорошенько обдумать. Я сказал врачу, что устал, попросил его выключить компьютер, и закрыл глаза.

Впервые после аварии я размышлял не о возможных способах самоубийства, а о том, как поправить пошатнувшееся

финансовое положение (кстати, оно вполне могло «шататься» так еще долго), не раскрывая карт помощникам.

Кроме того, я был кое-чем обескуражен. Я не ожидал, что буду так возмущён тем, как велись дела в мое отсутствие. «Растяпы, – думал я с горечью. – Впрочем, так вам и надо. Руки-ноги целы, а вы...»

После тревожного сна я неожиданно вспомнил о компьютерах с бесконтактным управлением. Где-то я читал, что создан способ перемещать курсор взглядом. Фотоэлемент, встроенный в монитор, улавливает микродвижения зрачка.

Я попросил помощников приобрести мне такой компьютер и вдруг понял... что собираюсь жить дальше.

Новый компьютер прибыл через неделю. «Если собираешься умереть, то зачем ты его купил? – спросил я себя. – А значит, ты... будешь жить. Ты хочешь жить».

Новый компьютер был, действительно, восхитителен. А приставка к нему позволяла вводить текст при помощи голоса. «Все свободны», – сказал я после небольшого совещания с помощниками.

Думаю, некоторые из них уловили иронию в моём хриплом голосе. Держу пари, что почти все мечтали наложить лапу на мой бизнес.

Вскоре наладился мой привычный распорядок дня. Раньше я вставал очень рано и, умывшись, прихватив с собой чашку кофе, садился за монитор, горя от нетерпения узнать, какие акции пошли вверх, какие вниз, что произошло с ко-

тировками валют.

Теперь я делал ровно то же самое, только лицо мне обтирал влажной салфеткой мой врач-камердинер. Через некоторое время я даже стал пить кофе; и хотя он тут же выливался из трубки, заменившей мне пищевод, я наслаждался его вкусом и ароматом, как прежде.

Сначала доктора разрешили (мне – разрешили!) работать только два часа в сутки, но потом я убедил их увеличить моё рабочее время, сославшись на ухудшение дел фирмы и пригрозив понизить жалованье.

Через пару недель, несмотря на ноющую боль в месте среза шеи, я уже проводил за компьютером шесть часов. Раньше, правда, десять-двенадцать часов в сутки, но этого я пока что и не выдержал бы.

К тому времени я оставил мысль подкупить доктора, чтобы он отключил систему жизнеобеспечения. Меня вдруг осенило: а что, собственно, изменилось? Только шея болит, ноет порой нестерпимо. А так... Я, как и до аварии, выходил в Интернет, посылал и получал почту, вечером в полном изнеможении засыпал. Умственная работа утомляет порой больше физической.

Изменились только две вещи. Во-первых, подчинённые и партнёры смотрели на меня как на инвалида. Снисходительно. Конечно, они скрывали это, но... Во-вторых, даже мимолётные встречи с женщинами (на большее у меня и раньше не хватало времени) стали теперь невозможны.

Это угнетало меня. Второе – намного меньше, очевидно, потому, что в организм (голова – это организм?) больше не поступали гормоны, заставляющие бросать работу в поисках приключений. Но скрытое пренебрежение я чувствовал на каждом совещании, которые проводил по старой привычке каждый день, иногда дважды: утром и вечером.

Я был богаче их всех, вместе взятых, был их боссом, а они видели во мне ущербное существо!

Через полгода дела фирмы пошли на поправку, я окреп, боли в шее мучили уже не так сильно. Вот тогда-то я и собрал знаменательное совещание и сообщил партнёрам и главным специалистам фирмы, что у нас останутся только те, кто согласен и способен встать на одну ступеньку со мной. Что я подразумеваю под этой «ступенькой»? растерянно осведомился один из моих замов – моя правая *рука*.

– Работать за таким же компьютером, как я, и иметь смелость отказаться от рук и ног.

– То есть не пользоваться ими? – робко уточнил кто-то в наступившей тишине.

– Нет. *Не иметь* их. Даю неделю на размышление, – прозвучал в гробовой тишине мой хриплый голос. – Кто не готов последовать за мной, подаст заявление об уходе. Другие будут получать на порядок больше, чем сейчас, в дальнейшем – даже на два порядка. Расходы по операции беру на себя. Все свободны.

Подчинённые, утратив дар речи, удалились, а я стал ждать

последствий. Запереть в психушку они меня не могут – я предусмотрительно ещё больше засекретил ключевые моменты ведения дела. Увольняться им не захочется – столько, сколько плачу я, они не получают нигде.

Через пару дней ко мне явилась делегация расстроенных парламентариев. Вид у них был жалкий. Куда делось их превосходство!

– Мы понимаем, вас постигло несчастье, – начал было один из них.

– Несчастье? – весело переспросил я. – Какое?

Они растерянно переглянулись.

– Ошибаетесь, – продолжал я, – ещё никогда я не работал в таком темпе, с такой отдачей! А в моей жизни ровным счётом ничего не изменилось! Вы ведь тоже проводите за компьютером по десять часов в сутки, разве не так? Ну, а те маловажные члены, – тут я им весело подмигнул, – которых я лишился, мне восполняет Интернет. Секс? – я глазами показал в сторону шлема, который мне иногда надевал камердинер. – Виртуальный секс доступен и вам, а имея высокие доходы, вы сможете посещать и более дорогие порносайты, расплачиваясь виртуальными деньгами. Ваша жизнь, в сущности, не изменится, но вы станете намного богаче. У каждого из вас будет роскошный особняк, недалеко от моего. Вы накопите столько денег, что в дальнейшем сможете заказать себе молодого клона и переместить ваш мозг в его тело! Впрочем, это – музыка далёкого будущего. Неизвестно, ка-

кие будут тогда законодательные ограничения. Клона я вам не гарантирую. А всё остальное будет оформлено договором. Впрочем, не буду вас уговаривать. Вы – взрослые люди, каждый решит сам. Вот вам ещё неделя для принятия решения. И ни дня больше.

И что вы думаете? Да, большая часть персонала уволилась по собственному желанию. Но двадцать человек согласились на операцию.

Теперь в наш город Интеллектуальных Кубов привозят туристов. Мы имеем с этого неплохой доход. Ротозеям позволено два раза в неделю проехать между роскошными особняками и заглянуть в большие окна.

Там они видят одну и ту же картину: в пустынном зале мерцает голубым экран монитора, перед которым на огромном стеклянном кубе стоит неподвижная голова.

Взор её устремлён на экран.

Бабочка

Сознание вернулось не сразу. Он смутно вспомнил полет, неожиданный отказ приборов и двигателей и услышал голос:

– Великое Кольцо Разума решило вступить в контакт с вашей цивилизацией. Выбор случайно пал на тебя. Но для этого ты должен пройти испытание. Сейчас твоя жизнь будет подвергнута анализу. От этого зависит возможность контакта.

И снова ощущение полета, вызвавшее легкую тошноту.

– Согласно инструкции, – произнес голос, – ты обязан присутствовать при процедуре испытания. Мы специально проводим ее в привычных для тебя образах.

Тошнота прошла, и перед ним появилось светлое пятно. Сквозь него, как сквозь иллюминатор, он увидел небольшую комнату. У стола, на котором стояли аптекарские весы со смешной длинной стрелкой, появился какой-то мужчина. Он держал в руках длинную темную ленту, конец которой тугими витками стлался по полу. Мужчина взял ножницы и принялся быстрыми движениями резать ленту на кусочки и швырять на чаши весов. Некоторые обрезки, повертев в руках, бросал на стол.

В сознании испытуемого стали возникать картины прошедшей жизни. Он пытался взглянуть в какую-нибудь подольше, но они мелькали в ритме движения рук мужчины.

– Добрые поступки направо, – сказал голос, отвечая на безмолвный вопрос, – дурные налево... Если перевесит правая чаша, – ты выдержал испытание, если левая – у тебя навсегда останется ощущение человека, который невольно причинил зло своей цивилизации.

Он застыл в напряжении. Когда правая чаша поднималась, он цепенел от страха, когда опускалась – с облегчением расслаблялся. Лента кончилась. Стрелка весов, поколебавшись, остановилась на цифре 0.

– Равновесие приравнивается к невозможности контакта, – произнес бесстрастный голос. – Посмотрим, что даст более тщательный анализ.

Мужчина у весов принялся рыться в куче обрезков. Один из них привлек его внимание. Вглядевшись, он положил его на правую чашу. Та еле заметно опустилась.

– Ты должен знать, какой поступок помог тебе выдержать испытание.

Снова замелькали картинки, остановились. Знакомая, тускло освещенная лестничная клетка. Человек медленно поднимается по лестнице – он узнал себя. Останавливается. О пыльное оконное стекло бьется бабочка. Он дергает за ручку, окно распахивается. Бабочка взмывает в утреннее небо.

...Он проснулся от звона будильника и долго не мог прийти в себя. Сердце билось тяжело и отрывисто. «Какой странный сон, – подумал он. – В спальне очень душно».

Он встал и начал собираться на службу. Через час вышел из квартиры. Дойдя до лестничной площадки третьего этажа, он увидел бабочку, лежащую на пыльном подоконнике. Он и вчера вечером, проходя мимо, видел ее там. Она еле заметно шевельнула крыльями. Его взгляд равнодушно скользнул по ней, по пыльному подоконнику, на котором остался ее прерывистый след. Он озабоченно посмотрел на часы и прибавил шаг – он опаздывал на работу.

Мужчина у весов с сожалением смотрел на длинную стрелку, которая вернулась на цифру 0. Видение лестничной клетки растаяло. Раздался характерный щелчок перехода в субпространство.

Выигрывают все

Меня мучила бессонница. Порой не удавалось уснуть до утра. В эти тягостные ночи я думал о том, как мне все-таки не везет в жизни. Я работал бухгалтером. Уже двадцать лет. Мои сверстники обзавелись машинами, дачами... А что есть у меня? Комнатушка. В центре города, но в старом доме с печным отоплением. Женщина, которую я любил, вышла замуж за другого, автовладельца.

Однажды, проворочавшись с боку на бок часов до двух ночи, я оделся и вышел на улицу.

Было темно и тихо. Редкие фонари тускло освещали узкие мощеные улочки, старинные каменные дома, прильнувшие друг к другу.

Миновав несколько темных улиц, я заметил вдали какой-то огонек и направился в ту сторону. Это ярко светился газетный киоск. Окошко открыто, но продавца в нем не было. На прилавке лежали газеты, рядом с ними пачка лотерейных билетов.

Мне стало любопытно, почему киоск открыт в столь необычное время.

Дождаясь продавца, я взял из пачки один билет. Обыкновенный билет денежно-вещевой лотереи. Вдруг я заметил в уголке надпись: «Выигрывают все». Наверное, дешевая лотерея, подумалось мне. Вроде тех, что устраиваются на яр-

марках. Главный приз – плюшевый мишка. Но тогда и билеты просто бумажки с написанным от руки номером. А здесь и серия, и водяные знаки. Очевидно, выйдет таблица розыгрыша...

Внезапно мне безумно захотелось выиграть. Билет стоит всего-навсего тридцать копеек... Я оглянулся, посмотрел по сторонам. Ни души. Лишь странная, давящая тишина. Я быстро сунул билет в карман и поспешил домой. Не успел сделать и двадцати шагов, как мне почудилось, что кто-то меня догоняет. Я испуганно остановился. Через мгновение мимо меня промелькнуло какое-то животное. Заяц. Он бежал как-то странно, по-кошачьи перебирая лапами. Как он меня напугал!

Спустя месяц я зашел в банк, узнать насчет таблицы розыгрыша. Прочитав надпись «Выигрывают все», кассирша удивилась:

– Впервые вижу такое. Откуда у вас этот билет?

Я поспешил уйти. Решил навести справки в киоске. Но и там продавщица сказала, что она такими билетами не торговала.

Ночью меня снова мучила бессонница. К моим обычным безрадостным мыслям прибавились размышления о загадочном билете. В конце концов я поднялся среди ночи и снова пошел к знакомому киоску. На этот раз за ярко освещенным прилавком сидел пожилой мужчина в очках.

– Простите, разве в такое позднее время есть покупате-

ли? – спросил я.

– А как же, – ответил он странным, писклявым голосом. – Вы, например.

В его словах мне почудился намек. Наверное, показалось, успокоил я себя. На прилавке, как и в прошлый раз, лежала пачка лотерейных билетов.

Продавец перехватил мой взгляд:

– Желаете?

– Спасибо, нет. У меня уже один такой есть.

Я достал из кармана билет и протянул ему.

Он повертел его в руках:

– Да, это лотерея «Выигрывают все». Никак не могу вспомнить... Когда я вам его продал?

– Мне подарили. Один мой приятель, – ответил я, избегая его взгляда.

Продавец пристально посмотрел на меня, затем нагнулся и извлек из-под прилавка пухлую папку. Это была таблица. Он долго водил пальцем по колонкам и наконец нашел мой номер.

– Вы выиграли десять тысяч.

– Не может быть!

Он странно усмехнулся и протянул мне таблицу.

– Извольте убедиться сами!

Верно: 10 000! Я сверил серию, номер – ошибки не было.

– Когда и где можно получить выигрыш? – спросил я, еще не веря своему счастью.

– Один момент!

Он выхватил из-под прилавка кипу сторублевых бумажек и отсчитал мне сто штук.

Оторопело глядя на пачку денег, я несмело взял ее в руки. Неужели мои?

Вдруг продавец нагнулся ко мне поближе и спросил шепотом:

– Где собираетесь хранить?

Невольно я тоже перешел на шепот:

– Разве... дома нельзя?

– Нежелательно, – прошептал он.

– Где же? В сберкассе?

– Ни в коем случае.

Его глаза за очень толстыми стеклами очков показались мне вдруг неестественно большими. От пристального взгляда этих болезненно выпуклых глаз стало жутко. Внезапно он просиял и воскликнул:

– Лучший вариант – классический!

Я вздрогнул и оглянулся. Настолько неожиданным был этот переход с шепота на крик.

– Что вы имеете в виду?

– Ну-у! Такие вещи надо знать, – отвечал он весело, снова шепотом. – Автоматическая камера хранения. На вокзале.

Место надежное, подумалось мне. И если случится что-нибудь непредвиденное, можно сказать, что деньги не мои. Но... что может случиться?

Продавец прервал мои раздумья, протянув мне небольшой холщовый мешок.

– Положите деньги в мешок и в камеру!

Я так и поступил.

Вернувшись с вокзала домой, я начал мечтать.

Такая сумма! Первым делом куплю кооперативную квартиру. Или нет – машину. Но тогда не хватит на кооператив. Кроме того, нужен гараж. Что же получается? Десять тысяч не так уж и много? Вдруг меня осенило: можно купить еще лотерейных билетов, и побольше! Выигрывают все. Странноватая эта история, но деньги настоящие. А если нет? Надо сегодня же проверить. Давным-давно пора купить новый костюм.

Днем, еле дождавшись обеденного перерыва, я поспешил на вокзал. Открыв автоматическую камеру хранения, на секунду я оцепенел от ужаса – мешок был пуст! Не веря своим глазам, повертел мешок в руках, положил его обратно и захлопнул дверцу.

Куда исчезли деньги? Может, кто-то следил за мной? А вдруг жизнь моя в опасности? Меня охватило жуткое чувство, что чьи-то глаза наблюдают за мной. Я посмотрел по сторонам. Ничего подозрительного. Может, всё это просто померещилось – киоск, билет, деньги? А мешок? Ведь он и сейчас здесь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.